

ФОЛЬКЛОР. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. ЛИТЕРАТУРА X-XII вв. (Обзор)

Тема: Фольклор. Древнетюркская литература и её особенности.

План.

1. Сбор и изучение узбекского фольклора. Жанровое и тематическое своеобразие.
2. Узбекские пословицы.
3. Эпическое наследие узбекского народа.
4. Классификация орхоно-енисейских памятников.
5. “Книга гаданий”.
6. Творчество писателей X-XII века (М.Кашгари, Ю.Баласагуни, аль Фараби, аль Бухари).

Опорные слова: народная поэзия, песни, лапары, терма, бахши, колыбельные песни, пословицы, лугат, диван, эпическое повествование, дастан, мистика, таласские, енисейские, орхонские, традиция, дидактическая литература, религиозная, эпическое повествование.

1. Сбор и изучение узбекского фольклора.

Фольклор не просто художественное наследие народа - он хранилище того громадного духовного опыта, которое важно для культурной жизни

общества. Укоренившиеся в памяти образы эпоса, каждодневно всплывающие строки и мелодии народных песен и, наконец, не сходящие с языка пословицы и поговорки - это важная часть нашей духовной сокровищницы. Песенный фольклор и эпическая поэзия узбекского народа отличаются не только обилием тем, сюжетов, богатейшей палитрой выразительных возможностей и приемов, но и наличием своеобразных стилей, свойственных разным областям Узбекистана и обусловленных своеобразием историко-этнического и социально-экономического развития. Начиная со второй половины прошлого века русские зарубежные ориенталисты, путешественники, этнографы, дипломаты записывали и публиковали отдельные образцы узбекского фольклора. С другой стороны, в этот же период усилиями узбекских любителей фольклора, а иной раз и по инициативе самих народных сказителей были сделаны записи, сохранившиеся в виде рукописных списков или литографированных изданий; речь идет о народных дастанах. Однако записи эти научную ценность имеют лишь относительную, ибо подвергались литературной обработке, произвольным сокращениям и искажениям.

Сбор и изучение узбекского фольклора на научной основе началось лишь в двадцатом веке. В первой половине двадцатых годов определенную работу по собиранию фольклора провели Газы Алим Юнусов, Гулям Зафари и Эльбек. Публикации тех лет по отдельным жанрам (песни, пословицы, устная драма, отрывок из эпоса “Алпамыш”), первые характеристики фольклора - явились тогда подлинным событием культурной жизни, привлекли к записям фольклора внимание широкой общественности.

В середине двадцатых годов сбор фольклорного материала возглавил человек, которого по праву можно назвать основоположником научной узбекской фольклористики - Ходи Зарифов. По его инициативе и с его участием были выявлены такие замечательные народные сказители, как Эргаш Джуманбульбуль-оглы, Фазыл Юлдаш-оглы, Пулкан и другие. Именно в это время и началась активная работа по записи полных текстов традиционных и новых дастанов непосредственно от ведущих народных бахши. За короткое время были записаны такие крупные произведения, как “Алпамыш”, “Ядгар”, “Шейбанихан”, “Юсуф и Ахмед”, “Алибек и Балибек”, “Рустамхан”, “Рождение Гороглы”, “Юнус-пери” и мн. др. сказки, песни, пословицы.

Эта работа продемонстрировала не только возможности узбекской фольклористики, но и громадное богатство самого узбекского фольклора. Был открыт новый, неведомый дотоле творческий материк! А фольклорные экспедиции, начатые в 1926 году, продолжали из года в год обследовать территорию всех исторических областей Узбекистана, и в них участвовали такие выдающиеся ученые, как Е.Д.Поливанов, А.К.Боровков, Л.П.Потапов, Н.Н.Миронов, Е.Е.Романовская, А.Л.Троицкая, В.А.Успенский, Г.Юнусов, Х.Зарифов, Б.Каримов, М.Афзалов, А.Алавия и многие другие. В последнее время исследованием узбекского фольклора занимаются Б.Сарымсаков,

М.Мурадов, К.Имамов, Я.Джураева и др. Благодаря их труду и горячей любви к делу возник фольклорный архив Института языка и литературы АН Узбекистана.

Уже начиная с двадцатых годов, одновременно с записями народного эпоса узбекские фольклористы стали изучать географию дастанов и условия их бытования, личности исполнителей. Плодом этого явились методологически важные работы Х. Зарифова - и, параллельно, обширные публикации самих дастанов. В конце тридцатых годов уже были опубликованы “Алпамыш”, “Ширин и Шакар”, “Мурадхан и Арзигуль”, “Рождение Гороглы” и “Малика Айяр”, “Раушан”, “Кундуз и Юлдуз” и др.

Началась также работа по переводу узбекского фольклора на русский язык. В годы войны, в 1943 году, появились в русском переводе отдельные главы “Алпамыша” и “Раушана”, а в 1944 году вышла полностью первая часть “Алпамыша” в переводах В.Державина, Л.Пеньковского, А.Кочеткова, с предисловием В.М.Жирмунского. В этот же период был создан и капитальный труд Жирмунского и Зарифова “Узбекский народный героический эпос”.

2. Жанровое и тематическое своеобразие фольклора.

Песня - древнейший фольклорный жанр. Конечно, это относится в первую очередь к песне обрядовой, тесно связанной с трудовыми процессами, с многочисленными народными обычаями, верованиями и возникающими на их базе обрядами. К числу обрядовых песен принадлежат песни календарно-обрядовые, семейно-обрядовые, заговоры, причитания, плачи.

Календарно-обрядовые песни возникли на основе определенных ритуалов, приуроченных как к смене различных времен года, так и к тем или иным природным явлениям, характерным для весны, лета, осени, зимы.

Семейно-обрядовая поэзия сопровождала все узловые моменты человеческой жизни: рождение и те или иные стадии становления маленького человека - первый его шаг, первый зуб, первую срезанную прядку волос и так далее. Позднее - сватовство, свадьбу, смерть... Свадебные песни исполнялись в ходе всех церемоний, от начала свадьбы и до конца: обряжение невесты, прощание с подружками, приход жениха, знакомство невесты и жениха через занавеску и прочее. Исполнялись песни из громадных циклов “Лапар”, “Яр-Яр”, “Улан”, “Келин салом” (“Привет невестке”), в которых воспеваются достоинства невесты или жениха, содержатся пожелания семейного счастья, рождения многочисленных детей, или, наоборот, звучат жалобы невесты, против воли выдаваемой замуж за нелюбимого...

К числу древнейших образцов песенной поэзии принадлежат заговоры. В основе заговоров - “бадик”, “кинка” - лежит древняя вера человека в магическую силу слова, способного отвести беду, излечить болезнь, избавить от порчи, от несчастной любви или обрести любовь счастливую...

Особый жанр - плачи и причитания; в этих фольклорных песнях выражалось горе по поводу смерти близких - матери, отца, брата, сестры, сына, дочери, мужа, любимого. Как правило, содержанием таких песен служат перечисления достоинств покойного, горестные сожаления о том, чего он не успел увидеть или получить при жизни, о том, как недостаточно ценили радость общения с ним, пока он был жив, как тяжка теперешняя с ним разлука... Это обычно произведения импровизационные, в которых традиционные приемы фольклора использовались в различных комбинациях, применительно и к каждому отдельному случаю.

В сущности, причитания и плачи - это произведения, находящиеся уже на грани песни обрядовой и необрядовой. Как, впрочем, и песни трудовые.

Трудовые песни изначально носили характер сугубо обрядовый - они подразделялись на циклы, связанные со временами года, а стало быть, и с различными видами труда, земледельческого и скотоводческого. Земледельцы, например, сопровождали специальными ритуалами сев, жатву, молотьбу - частью этих обрядов служили песенные циклы. Так, во время молотьбы исполнялись песни, каждая строфа, а то и строка которых заканчивалась рефреном "Майда-ё, майда..." ("Молоти-молоти" или, точнее, "размельчай-мельчи"). Мелодический склад такого рода песен отражает или как бы воспроизводит ритм самого трудового процесса. В песнях скотоводов часто повторяются восклицания, которыми погоняют или уговаривают скот, звукоподражательные сочетания. Песни, исполнявшиеся при работе за прялкой, за ткацким станком, на ручной мельнице, звучат обычно медлительно, монотонно, опять-таки как бы воспроизводя характер самой работы.

Многообразие трудовых песен чрезвычайно расширились и превратили их в один из обширнейших разделов песенного фольклора. Но это уже были песни именно социальные, а отнюдь не обрядовые. Необрядовые песни разнообразны и по тематике, и по жанрам. Так, к трудовым примыкают, как уже говорилось, песни о животных, а также песни бытовые; это могут быть произведения и лирического, и шуточного, и сатирического характера. Последние, как правило, несут в себе явственный социальный заряд. Типичный пример - довольно многочисленные песни о "байской дочке".

По мере того, как становилась все более сложной, многогранной народная жизнь, усложнялось, углублялось и психологическое мастерство фольклорной песни, особенно в пору ее, так сказать, сосуществования с письменной литературой. Это и стало эпохой расцвета лирического песенного жанра, в первую очередь песни любовной.

К числу любовных песен принадлежат самые проникновенные, самые гармоничные произведения узбекского народного творчества. Любовные драмы - это, вероятно, высший всплеск жизненной энергии человека, сосредоточение всего духовного потенциала на едином предмете, в единый отрезок времени... И, естественно, человеческая натура, личность человека проявляет себя в них с особенной полнотой, чистотой и явственностью.

Главное их достоинство - проникновенность, высочайший накал выражаемых чувств, и самого важного среди них: того бескорыстие любящих.

Колыбельные песни - область, которая, казалось бы, наименее должна быть подвержена воздействию времени, смене исторических эпох. В самом деле, в числе колыбельных есть весьма древние, дошедшие до нас из глубины веков в почти неизменном виде.

В числе песенных жанров узбекского фольклора есть и такой, который большею частью, очевидно, складывался и уж во всяком случае, исполнялся профессиональными певцами (бахши). Это так называемые терма, песни-размышления на самые разнообразные житейские, а иногда и религиозно-философские темы. Для терма характерен свободный ритм, свободная строфика, ее можно усвоить с пословичными изречениями. Терма - представляет большой интерес как своего рода поэтические сгустки народного опыта, народной мудрости, как характернейшие образцы фольклора.

В течение веков устами бахши народ выражал свою жажду свободы и счастья, торжества справедливости и человеческого достоинства, но вместилищем его мечты оказывались чаще всего времена давно прошедшие, "золотой век" воображения.

Словом, народная песня продолжала и продолжает жить не только в устах и сердце народа, но и в процессе некончающегося художественного творчества.

Есть еще один, исключительный по своей распространенности род словесного народного творчества, в котором присутствует поэтический элемент - пословицы.

Пословицы - это, может быть, и не самая обширная, не самая объемная, но, бесспорно, самая характерная часть всякого фольклорного наследия - глубоко содержательная и предельно лаконичная, емкая. У узбеков пословица имеет как бы двойную ценность. И как мудрое слово, сказанное, кстати, как эталон здравого смысла, сопоставляемый с конкретной жизненной ситуацией, поступком, высказыванием и показывающий таким образом то ли совпадение, то ли, чаще, как нечто самоцельное, художественно законченное, подобное песне или яркому рассказу. Пословица - это любимый в Узбекистане народный жанр, и причина ее в самой форме пословиц.

Узбекские пословицы - это своего рода образные формулы, метафоры тех или иных крупниц жизненного опыта; и почти все они, так или иначе, ритмически организованы. В общности, такие пословицы, даже если они не имеют дополнительную внутреннюю стиховую организацию, могут служить готовой строкой песни или стиха. В пословице наличествует и собственная, законченная стиховая организация. Они зарифмованы и являются либо двух - либо даже трех-четырёхстишиями, иногда неравносложными, типа раешника, но чаще вполне строгого и определенного метра. Однако самым, может быть,

ярким поэтическим их элементом служит характер рифмовки, то есть те неожиданные - точные или приблизительные - рифмы, которые столь способствуют неординарности пословичной формы и ее запоминаемости. Зачастую и сама метафора, и рифмующиеся слова выглядят поначалу произвольными, как бы случайными по отношению к мысли, образующей пословицу, идут, кажется, на поводу у игры слов; но чем они произвольней на первый взгляд, тем точнее и обязательней кажутся, когда привыкаешь к этому поэтическому обличью исходной пословичной мысли. Тем более что та или иная мысль, заложенная в пословице, нередко повторяется в пословицах других народов, по-своему варьируется опытом каждого из них; метафорическая же плоть, словесная форма пословицы несет в себе неповторимую информацию, неизгладимый отпечаток быта и характера данного народа.

3 тема: Эпическое наследие узбекского народа.

Эпос, эпическое повествование в узбекском фольклоре представлено жанром дастана. Включающий как поэтические, так и прозаические элементы (последние - это, как правило, рифмованная или ритмизированная проза), дастан в современном словоупотреблении оказался равнозначен поэме. В действительности это не совсем так. На стадии становления и развития не только фольклора, но и письменной литературы понятие “дастан” было куда шире нынешнего понятия “поэма”, ибо дастан служил, так сказать, эпическим “жанром за все”: именно в его недрах возникли и развивались почти все повествовательные жанры. Само слово “дастан” употреблялось в значении “повесть”, “рассказ”, “приключение”, “характеристика”, “хвала”. Отсюда тематическое и жанровое разнообразие поздних дастанов: героические, авантурные, сказочные, любовные и т. д. Однако изначально дастан был произведением, в основу которого ложилось предание о подвигах народных героев, так или иначе изменивших положение, жизнь своего племени или народа; о существенных событиях народной жизни, чаще всего войнах и сражениях, связанных со становлением самостоятельности или государственности народа, защитой или завоеванием земли, ставшей для него привычным пространством Родины. Сами герои и события могли быть поэтическими, легендарными или теми и другими.

Узбекские народные дастаны возникли на почве архаического тюркского фольклора и нашей древней национальной истории. Другими словами, они вобрали в себя и древнейшие культурные традиции, и память о становлении своего народа, его духовного мира и исторических судеб, его гражданских, нравственных и эстетических идеалов.

Дастан рассчитан не просто на устное исполнение. Он - почти в равной мере - произведение поэтическое, и музыкальное. Его не читают - его поют. Поют в сопровождении домбры, и все ритмическое, строфическое построение, вся художественная композиция, все образные средства

рассчитаны на это удвоенное, утроенное восприятие слушателей. Слово, стих, текст несут основной смысловой и художественный груз того громадного каравана поэтических картин, каким является эпическое повествование. И пусть такие характерные особенности фольклорного текста, как долгие перечисления, частые рефрены, повторы целых стихотворных блоков или кочующие по строчкам так называемые постоянные эпитеты, сравнения, гиперболы, устойчивые синтаксические конструкции, - много естественнее, эмоциональней звучат в музыкальном исполнении, сплавленные с мелодией, все же своей художественной функции они не утрачивают и в тексте как таковом. Собственно поэтическая часть (это обычно семи-восьмислоговой стих или одиннадцатисложник), составляющая основную текстовую “массу” дастана, как правило, передает монологи или диалоги героев, батальные панорамы, описания природы, сопровождающие рассказы о путешествиях или подчеркивающие настроения героев, картины богатырских схваток; куски прозаические, носящие характер больших или меньших по объему вставок, исполненные ритмической или рифмованной прозой (“садж”), посвящены обычно портретам героев, их внутренним монологам, а иногда в детализированном или упрощенном виде повторяют - с важными вариациями, конечно, - только что исполненный поэтический кусок.

Существует следующая классификация узбекского народного эпоса.

Это, прежде всего, собственно *героические* дастаны (“Алпамыш”, “Ядгар”), чье возникновение и, так сказать, эпическая плоть тесно связаны с патриархально-родовыми отношениями, с жизнью, бытом, нравами узбекских племен, которые в далеком прошлом вели кочевую или полукочевую жизнь. Эти дастаны созданы, по-видимому, на последних этапах существования патриархально-родовых отношений или в период раннего феодализма, когда происходило постепенное оседание племен на определенных территориях, консолидация в народность. Этот процесс, зарождение форм ранней государственности сопровождалось мужественной борьбой союза племен с внешними врагами за свою независимость и давали богатейший материал для героических дастанов. В ходе этих схваток и войн, новообразований и слияний, поселений, передвижений и возник эпос, “наиболее важным, решающим признаком” которого “является героический характер его содержания”. Образы героев и совершаемые ими подвиги превышают масштабы естественного и в этом смысле чудесны, но не сверхъестественны: отсутствует романтическая фантастика, основанная на творческой игре фантазии и субъективном вымысле певца. Чудесное присутствует в старинном героическом эпосе, как элемент реальных народных верований, как мифология... Или как совокупность бытовых суеверий, объясняющих явления природы и человеческой жизни с точки зрения мифологического или магического мышления”. Все эти черты особенно характерны для выдающегося узбекского дастана “Алпамыш”.

Развитие узбекского дастанного творчества представляет собой так

называемый *романический* эпос, в котором, в свою очередь, выделяются дастаны *воинские* (“Юсуф и Ахмед” “Алибек и Балибек”). Дастаны *героико-романические* (“Одинокий Ахмед”, цикл “Рустам”, цикл “Гороглы”), дастаны *любовно-романические* (“Кунтугмыш”) “Равшан”, хорезмские дастаны), *общественно-бытовые* дастаны (“Сахибкыран”, “Арзигуль”, “Ширин и Шакар”) и, наконец, книжные дастаны (“Фархад и Ширин”, “Лейли и Меджнун”, “Бахрам и Гуландан” и др.). Появление на свет этих произведений связано с общественно-политическими отношениями эпохи развитого феодализма; содержание их определяется многочисленными любовными похождениями героев, рассказами о фантастических явлениях, аналогичными сказкам, - и вместе с тем оно наложено на, безусловно, реальный пласт определенных жизненных событий.

Фабульные схемы романических дастанов весьма схожи. Герой, как правило, заочно влюбленный, в поисках возлюбленной отправляется в дальний путь, попадает в водоворот событий, переживает опасные приключения, сталкивается со сверхъестественными существами - и, преодолев все трудности, достигает цели. Сценой для событий служат величественные дворцы и шумные базары, дивные сады и заколдованные крепости, страшные пещеры и подземные или подводные тоннели. Все это повторяется в различных комбинациях почти в каждом дастане, и, однако, любой из них имеет свое композиционное построение, свою манеру раскрытия характеров, свою систему мотивировок, свой колорит. Но именно сочетание, переплетение реальных жизненных ситуаций с фантастическими и составляет, по-видимому, основную отличительную особенность романических дастанов.

Первоначальным этапом развития романических дастанов явилась воинская повесть. Древнейшие ее образцы до нас не дошли, хотя упоминания о них существуют. Списки, которыми мы располагаем, фиксируют сравнительно поздние произведения, где превалируют романические жанровые особенности, что и позволило отнести воинскую повесть к этой разновидности дастанов; но нет сомнения, что она, появившаяся уже в эпоху феодализма, формировалась под влиянием героических дастанов. Примером воинской повести может служить “Юсуф и Ахмад” или являющийся его продолжением “Алибек и Балибек”, или “Халдархан” из цикла “Гороглы”, ставящие в центр повествования легендарные или исторические сражения и воинские подвиги.

Господствующие круги использовали форму воинских повестей для пропаганды среди населения деятельности лиц, распространявших ислам силой оружия. В результате этого возникли воинские повести “Сказание об Абу Муслиме”, “Сказание о борце за веру Сайде Баттале”, “Сказание об Амуре Хамзе”, связанные с именами представителей арабской аристократии. К числу же широко распространенных в Средней Азии древних воинских повестей можно отнести такие произведения, как “Рустам дастан”, “Сказание о Джамшиде”, “Хушанг” и другие.

В репертуаре узбекских сказителей воинские повести занимают незначительное место. Возможно, что со временем многие из них по разным причинам выпали из эпического репертуара. Да и сами боевые действия в воинских повестях впоследствии стали трактоваться как защита религиозных убеждений народа от иноверцев. Однако для тех воинских повестей, которые имелись в репертуаре узбекских сказителей, “священная война” против “неверных” служит лишь неким общим фоном для идеализации главного героя; и в самом деле, здесь воспевались мужество и отвага, которые служат защите родной земли, единству родов и племен. Ярким подтверждением этого могут служить дастаны “Юсуф и Ахмед”, “Алибек и Балибек”: мотивы патриотизма и тоски по Родине-матери здесь особенно сильны. Стоит вспомнить хотя бы эпизод с восхвалением Юсуфом своей страны, то, как передает он привет родной земле через журавлей (кстати, подобный же эпизод читатели этой книги встретят и в дастане “Далли” из цикла “Гороглы”). Столь же впечатляют воспоминания Алибека о родном Ургенче. Показ героического начала в сравнении, скажем, с любовными темами и занимает в них ведущее, главенствующее место. В сущности, к их числу принадлежит большинство дастанов знаменитого цикла “Гороглы”.

Характерная особенность любовно-романических дастанов (“Кунтугмыш”, “Равшан”, хорезмские дастаны) - наличие в центре сюжета, в основе всей фабулы сложной любовно-авантюрной интриги - как правило, поисков красавицы, связанных с преодолением множества преград, в том числе и фантастического, сверхъестественного свойства. Здесь практически мы уже не встретим в действиях героя таких мотивировок, как патриотизм, борьба за справедливость, за честь и свободу своего народа... Любовная страсть - вот единственная движущая сила поступков и событий. Традиционность фабульных схем, однотипность, традиционность мотивов искупаются, однако, серьезной, зачастую очень точной и тонкой психологической разработкой образов, художественным анализом самого любовного чувства. Оригинальность, своеобразие каждого из этих дастанов заключается и в композиции, хитросплетениях мотивировок отдельных эпизодов.

Заметно отличаются от таких дастанов поэтические повествования общественно-бытового плана. Конечно, и здесь мы встречаемся с мотивами традиционными, с включением в ткань фабулы сверхъестественных явлений, с любовными приключениями и драматическими схватками, но подлинную сюжетную плоть таких дастанов составляют картины и коллизии жизни общественной и бытовой, через которые фольклорные авторы проводят своих героев. В условиях растущего феодального гнета такая, демократичная по тематике и материалу, заряженная определенной долей социального протеста, разновидность эпоса обретала достаточно питательную почву.

Особое - весьма прочное и обширное место в репертуаре узбекских сказителей заняли так называемые книжные дастаны. Они представляли собой результаты переработки эпическими певцами, в свойственной

фольклору манере, некоторых образцов классической поэзии, основанных в свою очередь на исторических преданиях и легендарных сюжетах, но ставших уже и сами как бы общим наследием. Так, народные дастаны “Фархад и Ширин”, “Лейли и Меджнун”, “Бахрам и Гуландам” созданы на основе произведений Алишера Навои. “Юсуф и Зулейха” - на основе персидских и тюркских произведений, написанных на этот сюжет, “Рустам дастан” - на основе “Шахнаме” Фирдоуси, “Сайфул-малик” - на базе поэмы Маджлиси, народные варианты “Варка и Гулшах”, “Вамык и Узро” - в результате переработки переводов с азербайджанских письменных текстов. Зависимость таких дастанов от письменной литературы, легко заметное в них воздействие этой последней и вызвало к жизни определение “книжные”. Книжные дастаны, смотря по тому, каков был характер использованного источника, могли сохранить особенности не только романического, но и героического эпоса; однако в этих случаях вторичность, несамостоятельность особенно явно давала себя знать: недостатком динамизма, энергии повествования, ограниченностью тематики.

Процесс возникновения книжных дастанов, проникновения их в репертуар сказителей был, вероятно, весьма многообразен; возможно, между ними и письменным их источником существовали тексты и промежуточные, составленные поэтами или, во всяком случае, грамотными людьми - скажем, домашними или уличными чтецами, рассказчиками “кисса” (устная повесть). Не случайно среди книжных дастанов есть такие, по которым трудно определить конкретный их письменный источник, хотя сама их “книжность” сомнений не вызывает. Таковы, например, “Санубар”, “Зевархан”, некоторые из хорезмских дастанов. А в таких народных произведениях, как “Малика и Диларом” или “Тахир и Зухра”, мы сталкиваемся с весьма сложной формой скрещения разных литературных традиций, своего рода перекрестным заимствованием. Для книжных дастанов характерно, что переживания героев в них особенно легко принимают религиозную окраску или сугубо сентиментальные тона.

Еще одной жанровой разновидностью дастанов являются дастаны исторические. Их тематика, образы, идеи связаны с историческими событиями; хотя, как во всяком дастане, во всяком народном произведении, это легендарно переосмыслено и домыслено, историчность их основы, а иногда и конкретность исторического содержания в них более или менее сохранены, во всяком случае, остается очевидной их связь с историческими лицами и фактами. В репертуаре сказителей они занимали место незначительное, ограничен был и ареал их распространения, и все же интерес они представляют немалый. В их числе дастаны историко-героические (возможно, лучший из таковых - “Айсулу”); историко-фантастические, где факты исторические сплетены со сказочными мотивами (“Шейбанихан”, “Айчинар”); так называемые новые дастаны, повествующие о временах, событиях, деятелях, близких к нашему времени (“Тулганай”, “Назар и Актубабек”, “Маматкарим-палван”, “Джизакское восстание”, “Мардикер”,

“Ачил-дав”, “Хасан-батрак”, “Герои Нарпая” и др.), наконец, дастаны автобиографические (“Автобиография”. “Дни мои”, “Счастливые поколения”).

В основе дастанов историко-фантастических - “Тулумбий” (XV в.), “Шейбанихан” и “Айчинар” (XVI в.) - лежат судьбы личностей вполне исторических, историческими являются и многие описанные здесь события и факты, каковы, например, взаимоотношения Шейбанихана и Бабура, поход Бабура в Афганистан и т.д. Но задача фольклорных авторов явно заключалась в том, чтобы “расцветить” историю за счет вымысла. Характерно включение в дастан “Шейбанихан” рассказа о Хуршидае, бытовавшего и отдельно, в качестве сказки. Еще в большей степени сдвинут в сторону легендарно-приключенческого жанра дастан “Тулумбий” (“Эдига”). Кроме имен исторических личностей, исторического материала в нем уже никакого и не осталось. Проявляющаяся в этих дастанах тенденция является, в сущности, общей для фольклора. На их примере можно видеть, как исходный материал реальных исторических фактов, изначально, вероятно, служивших основой всякого фольклорного повествования, постепенно, в процессе складывания идеальных или во всяком случае идеализированных образов, замещался плодами народной фантазии.

С другой стороны, так называемые новые дастаны, положившие в основу более или менее близкие к ним по времени исторические события, несмотря на неизбежную, в силу использования традиционных фольклорных приемов, трансформацию этой исторической основы, - в целом все же сохраняют черты исторической реальности в обрисовке истории и ее деятелей. Нечто подобное, очевидно, было и в древности: такой была молодость и нынешних старинных дастанов, которую мы не застали. Новые произведения узбекских народных поэтов создавались, как и некогда, в процессе устной импровизации. Но для этого требовалось, конечно, владение всеми “тайнами”, всем арсеналом дастанного ремесла. И действительно: новые дастаны удавались лишь выдающимся народным мастерам. С их индивидуальными творческими усилиями, поэтическими находками органично соединялось наследие многовекового коллективного творчества народа.

В репертуаре ведущих сказителей заметное и важное место заняли в нашу эпоху автобиографические дастаны - такие, как “Автобиография” Эрагаша Джуманбульбуль-оглы, “Мои дни” Фазыла Юлдаша, “Счастливые поколения” Ислама Назар-оглы, “Дни мои” Абдуллы Нурали-оглы и другие. О существовании в прошлом такого рода дастанов у нас сведений нет, но можно полагать, что тот или иной выдающийся сказитель создавал в конце жизненного пути такие поэтические воспоминания - своего рода “поучения” молодым. Не случайны же в репертуаре сказителей терма вроде “Моей домбры”, “Что бы мне спеть?”, “Дней моих”, не случайно возникают и образы древних эпических певцов в некоторых фольклорных произведениях (Коркут-ата, Соппаслы Супира-джирав и других), не случайно сложился и

типический персонаж - тип бахши в некоторых дастанах (а “Юсуфе и Ахмеде”, “Хирман далли”, “Ашике Айдине”, “Ашике Албадане”, “Наджаб оглане” и других), да, наконец, характерно и само существование дастанов о *поэтах* - “Мулла Гайиб”, “Махтумкули”, “Алланазар Алчибек”... Все это - как бы следы существования в прошлом автобиографических или по крайней мере биографических дастанов о мастерах народно-эпического жанра. Возможно, как сугубо личные, от первого лица исполнявшиеся произведения, автобиографические дастаны не переходили от певца к певцу, использовались или как-то учитывались в других вещах лишь их фрагменты. “Собственный жизненный путь” сказителя, пусть даже изображаемый, как в известных нам новейших автобиографических дастанах, на фоне своего времени, своей эпохи, не мог, по-видимому, стать предметом наследования другими певцами, оказывался лишь эталоном для подражания. И со временем эти не повторяемые тренированной памятью исполнителей, не возобновляемые автобиографические дастаны должны были, конечно, утрачиваться. Интерес же - по крайней мере для исследователей - они представляют оброгный, т.к. приоткрывают дверь в творческую лабораторию: в тайное тайных певца-сказителя.

Узбекский народный дастан прошел длительный путь исторического развития. Эпоха становления древнего тюркского эпоса где-то граничит с эпохой саков и массагетов. Эпические произведения тюркского фольклора, предшествующие “Алпамышу”, вполне могли соседствовать и даже сосуществовать во времени с теми эпическими глыбами, от которых сегодня остались лишь осколки, - с “Томарис” и “Шираком”, “Сиявушем”, “Зариандром и Одатидой”, “Искандером” да и со всем тем, что сегодня рассматривается как тюркское и персидское или общее персидско-тюркское наследие.

Эпоха же с конца XVII по XX век была периодом интенсивного развития уже традиционного эпоса, устоявшегося в своих формах, приемах, фабульных канонах, идейном настрое. При этом сотни и сотни сказителей, участники и творцы этого процесса в меняющихся социально-экономических условиях развивали унаследованные традиции, вносили свои поэтические новшества, совершенствовались и, с другой стороны, окончательно канонизировали образную систему, арсенал постоянных тропов; происходило жанровое разветвление дастана, размежевание разновидностей - и в то же время объединение дастанов в тематические циклы, иногда необозримо громадные. Иными словами, хотя создавались и новые дастаны, и новые комбинации фабульных мотивов, новые сюжетные схемы, - это была эпоха уже главным образом традиционного бытования народного эпоса.

4. Классификация орхоно-енисейских памятников.

Сохранившиеся до наших дней письменные памятники условно можно разделить на три группы. Первую составляют историко-эпические

памятники, написанные руническим письмом. Это, прежде всего, многочисленные так называемые орхоно-енисейские памятники и “Книга гаданий”. Вторую группу составляют дидактико-филологические памятники, при создании которых было использовано уйгурское письмо. Это известные произведения Махмуда Кашгари, Юсуфа Хас Хаджиба Баласагуни, Ахмада Югнаки. И, наконец, третью группу древних письменных памятников можно определить как мистико-религиозную, созданную на арабском языке. Это произведения таких авторов, как Ахмад Яссави, Рабгузи, аль Фараби, ат Термези и многих других, которые жили на территории современной Центральной Азии.

Первые обнаруженные памятники древнетюркской письменности принято называть орхоно-енисейскими памятниками. Первоначальные сведения о них мы встречаем в трудах Н.К.Видзена, С.У.Ремезова, которые публикуют сведения о загадочных надписях на камнях. Несколько позже сведения о древних памятниках встречаются в сочинениях шведского пленного офицера Иоганна Табберта-Страленберга, сообщившего о камнях с неизвестными надписями, обнаруженными им в бассейне реки Енисея, и немецкого естествоиспытателя Д.Г.Мессершмидта. В более обобщенном виде сведения о загадочных надписях приведены Г.Спасским в 1818 году в его известной книге “Записки о Сибирских древностях”.

С течением времени сведения о первых памятниках древнетюркской письменности накапливались. В 1889 году Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества организовал в Монголию экспедицию во главе с Н.М.Ядринцевым, который в долине реки Орхона (впадает в реку Селенгу, а Селенга - в Байкал) в 50 км к северу от развалин Каркорума открыл две большие надписи, представляющие огромный научный интерес. Эпитафические надписи были двуязычные: кроме неизвестных знаков были на этих памятниках и китайские надписи. Из этих китайских текстов и узнали, что, например, один памятник поставлен в честь тюркского хана и его брата в 732 г.

Если раньше эти памятники с неизвестными письменами, найденными в бассейне реки Енисея, называли енисейскими, то позднее, после находок Н.М.Ядринцева, они стали называться орхоно-енисейскими, или тюркско-руническими. Последнее название является более правильным, так как с течением времени места находок с древнетюркскими письменами все увеличивались, расширялись, и территория их распространения далеко вышла за пределы современной Монголии и бассейна реки Енисея. К тому же все надписи сделаны руническим алфавитом.

По географическим, языковым и графическим особенностям тюркско-рунические надписи делятся на три следующие группы:

1. Енисейские;
2. Таласские, или среднеазиатские;
3. Орхонские.

Кратко рассмотрим каждую из названных выше групп.

1. Енисейские памятники. К этой группе относятся памятники, найденные в верховьях реки Енисея, а также отдельные стелы из Якутии и Монголии. Центр их распространения совпадает с территорией расселения древних азов, или народа сорока азов. Отсюда и второе название этих памятников - азские. Всего найдено и описано более 120 текстов енисейских памятников и представляют они собой фрагменты отдельных записей.

2. Таласские памятники. Памятники тюркской письменности орхон-енисейского типа были обнаружены в долине реки Талас местными краеведами. По сравнению с предыдущей группой, памятники данной группы немногочисленны: всего их насчитывается чуть больше десяти, и представляют они собой фрагменты надписей на камнях и деревянных палочках.

3. Орхонские памятники. Памятники этой группы представляют большой интерес и представляют собой более объемные сюжетные тексты. Главным образом это рассказы о многочисленных походах и сражениях тюркских войск под предводительством Кутлуг - (Ильтериш)-кагана, Могиляна, Кюль-Тегина и Тоньюкука.

К орхонским памятникам относятся древние надписи, охватывающие конец VII в. и первую треть VIII в. В основном они расположены в бассейне реки Селенги и ее притока Орхона, а также в прилегающих к ним местностях.

Несмотря на то, что все найденные памятники древнетюркской письменности созданы в разное время и на разной территории, они тем не менее имеют незначительные диалектные различия между собой, и это дает основание считать о единстве древнетюркского литературного языка. Этот язык активно использовался на обширной территории проживания древних тюрков и охватывал юг Сибири, территорию современной Монголии, западную часть Китая и страны Центральной Азии.

Наибольший интерес и особую ценность представляют орхонские памятники, на рассмотрении которых мы остановимся несколько подробнее.

Памятник в честь Кюль-тегина. Кюль-тегин - сын Кутлуга, младший брат Могиляна, родился в начале 685 г.

Памятник представляет собой стелу с надписью в форме усеченной пирамиды, высота которой 3 м 15 см, ширина основания 1 м 24 см, толщина 41 см. Верхушка плиты высечена в форме пятиугольного щита. Текст изложен на стеле в виде двух надписей. На основной поверхности 40 строк, продолжением которых служат 13 строк на правой боковой поверхности - это так называемая большая надпись. На левой поверхности помещена малая надпись, состоящая из 13 строк.

Обращение кагана, сделанное в малой надписи, в основном направлено на возвеличивание и укрепление своей власти.

Большая надпись посвящена историческому повествованию, которое Бельге-кагана начинает с древних времен. Он упоминает своих предков - Бумана-кагана и Истеми-кагана, покорившего народы в четырех концах света

и твердо державшего в своей власти большинство тюркских племен. Они правили долго и мудро.

Памятник хану Магилян. Памятник представляет собой стелу высотой 3 м 45 см, шириной 1 м 74 см и толщиной 72 см. По художественному оформлению и содержанию она во многом сходна со стелой, выдвинутой в честь Кюль-тегина.

Основное содержание памятника сводится к перечислению и краткому описанию многочисленных походов и сражений Могиляна. Далее описываются похороны Могиляна и перечень лиц, присутствовавших при них. В конце изложены сведения о других деяниях Могиляна и призыв подчиниться кагану.

Памятник в честь Тоньюкука. Памятник представляет собой два высоких четырехгранных столба, расположенных друг против друга параллельно восточной стене самого храма Тоньюкука. Высота южного столба, содержащего начало надписи строки 1-36, составляет 1 м 70 см. Северный столб несколько ниже - 1 м 60 см и содержит строки 37-62.

Таким образом, основное содержание памятников связано с историей возвышения Восточнотюркского каганата: освобождение тюрков от иноземного ига и военные походы виднейших представителей каганата - Ильтериш-кагана (или иначе Кутлуг), Капаган-кагана (или иначе Мочжо), Бильге-кагана (или иначе хан Магилян) и его младшего брата Кюль-тегина.

Историчность текстов памятников и их хронологическая точность прямо и косвенно подтверждается многочисленными историческими источниками.

Язык древнетюркских памятников предельно доходчивый и лишен излишней красочности. Эти памятники близки произведениям устного народного творчества, особенно эпосу. Исследователи памятников отмечают, что надписи Кюль-тегина и хану Магилян являются наиболее яркими примерами тесной взаимосвязи фольклора с письменной литературой.

В завершении рассмотрения орхоно-енисейских памятников отметим, что хотя и созданы они в историко-эпическом ключе, содержат целый ряд художественно цельных отрывков, отличающихся выразительностью, лиричностью и своеобразием. И это делает их особенно интересными и ценными именно как художественно цельное произведение.

5. “Книга гаданий”.

Другим, не менее интересным и значимым, памятником древнетюркской письменности является “Книга гаданий”, при написании которой также использовано руническое письмо.

Гадательная книга была найдена исследователем А.Стейном и впервые переведена и изучена датским тюркологом В.Томсенем, который датировал ее предположительно серединой VIII-началом IX в.

По форме книга содержит 65 разделов, представляющих собой ряд миниатюрных сцен из жизни людей и животных, а также посвященных мифологическим событиям. Каждая из сцен заканчивается выводом: “хорошо” или “плохо”. Книга написана в форме гадательных мани (четверостиший) и имеет целый ряд сходных черт с орхоно-енисейскими текстами. Исходя из материалов книги, а также с учетом сравнения ее с литературной традицией более позднего времени, можно сделать вывод, что поэтические гадальные тексты у тюрков были достаточно популярными.

Наименьшее количество строк в разделе - три, наибольшее - тринадцать. Интересно отметить, что единственный раздел (V), состоящий из тринадцати строк, представляет собой соединение трех маленьких рассказов.

По своему содержанию “Книга гаданий” располагает четырьмя группами текстов:

1. Сцены из быта людей и животных;
2. Мифологические и сказочные сюжеты;
3. Описания природы;
4. Сентенции, в основном нравоучительного характера. Примерами первой группы текстов могут служить следующие строфы:

*Сын бедного человека
отправился на заработки.
Его путь был удачен.
Радостным, довольным он возвращается.*

Так знайте: это хорошо. Ко второй группе текстов относятся мифологические сюжеты с упоминанием божеств, влияющих на судьбу человека. Этим обстоятельством тексты из “Книги гаданий” близки по своему содержанию с орхоно-енисейскими надписями и древнетюркским фольклором. Особенно это относится к главному божееству древних тюрков – Небу: Например:

*“Я - черный бог судеб.
То, что у тебя сломано, я соединяю,
то, что у тебя разорвано, я соединяю.
Я тот, кто создал народ (или государство).
Да будет ему благо!” - говорят.*

Так знайте: [это хорошо]. В стихах данной группы часто встречаются образы волшебных птиц, которые так популярны в народных сказках. В частности, довольно часто встречается образ птицы Семург.

К третьей группе текстов относится описание природы. Вот характерные примеры:

*Занялась заря,
потом осветилась земля,*

потом взошло солнце.

Над всеми сиял свет, говорят.

Так знай: это хорошо. Последняя группа текстов содержит сентенции, которые призывают людей к добру, справедливости, учат бережно и внимательно относиться к окружающим. Вот один из примеров:

В обладании многими конями тебе радости нет

В отсутствии коней тебе страха нет.

*В обладании высоким (предельным) тебе счастья нет,
говорят.*

Так знайте: это очень плохо. В завершении рассмотрения “Книги гаданий” необходимо отметить, что она имеет ряд характерных особенностей, которые делают ее близкой к орхоно-енисейским надписям и тем самым подтверждает наличие в древнетюркской литературной традиции определенного типа, названного исследователями историко-эпическим. При этом мы можем уже, безо всяких оговорок, констатировать наличие ярких изобразительно-выразительных средств, позволяющих говорить о высоком мастерстве автора-создателя.

6. Творчество писателей X-XII века (М.Кашгари, Ю.Баласагуни, аль Фараби, аль Бухари).

“Дивану лугат ат-турк” Махмуда Кашгари

В истории тюркоязычных народов особое место занимает сочинение выдающегося ученого-энциклопедиста средневековья Махмуда Кашгари “Дивану лугат ат-турк” (“Словарь тюркских наречий”). Это трехтомное сочинение “представляет собой в полном смысле слова золотые россыпи любопытнейших и тончайших наблюдений над фонетикой, грамматикой и лексикой ряда тюркских народов, единственное в своем роде сочинение, донесшее до нашего времени бесценные лингвистические, этнографические, фольклорные, географические, исторические сведения о хаканских (караханидских) тюрках, туркменах, огузах, ягма, чигилях, кыргызах”.

Сведений об авторе, полное имя которого звучит как Махмуд ибн ал-Хусейн ибн Мухаммед, практически нет. Известно, что отец ученого Хусейн ибн Мухаммед родом из Барсхана переселился в Кашгар, где и родился Махмуд, принявший нисбу Кашгари, то есть родом из Кашгара.

Родился Махмуд Кашгари между 1029 и 1038 годами. Работу над своим творением начал в 1072 г. и закончил в 1078 г. Из самого произведения известно, что кроме “Дивану лугат ат турк” Махмуд Кашгари создал еще один труд, - “Китаб джавахир ан-нахв фи лугат ат-турк” (“Книга драгоценностей синтаксиса тюркских языков”). Ее обнаружить, пока не удалось.

О жизни Махмуда Кашгари известно только то, что он принадлежал к высшим кругам караханидской знати. Аристократическое происхождение

позволило ученому получить, по всей видимости в Кашкаре - крупном политическом и культурном центре того времени, прекрасное образование. Кроме ряда тюркских языков, Махмуд Кашгари знал также арабский и персидский языки. Возможно, что свое образование он продолжил в Бухаре, Нишапуре, Самарканде, Мевре, Багдаде, где не только бывал, но и подолгу жил, собирал необходимые для его книги материалы. Сам автор пишет об этом так: “Хотя я происхожу из тюрок, которые говорят на самом чистом языке, ...которые по происхождению и роду своему занимают самое первое место ...я пядью пядь исходил все ‘или, селения, степи тюрок. Я полностью запечатлел в уме своем живую и рифмованную речь тюрок, туркмен, огузов, чигилей, ягма, кыргызов... И вот, эту книгу, - после долгого изучения и поисков, - я написал самым изящным образом, самым ясным языком ...этому сочинению я дал название “Диван лугат ат турк”.

Единственный экземпляр труда Махмуда Кашгари был обнаружен в 1915 году турецким ученым и библиофилом Али Эмири в копии на стамбульском рынке и хранится в настоящее время в Национальной библиотеке в г.Стамбула. Переписчиком рукописи был Мухаммед ибн Абу-Бакр ибн Абу-л-Фатх ас-Сави.

Первым издателем “Дивану лугат ат турк” стал турецкий ученый Рифат Бильге, который осуществил и первый перевод книги на турецкий язык.

На узбекский язык “Диван” Махмуда Кашгари был переведен профессором Салихом Муталлибовым и издан в Ташкенте в 1960-1963 годах.

“Дивану лугат ат турк” Махмуда Кашгари является уникальным изданием, где, наряду с обычной для словаря лексикой, встречаются многочисленные художественные произведения, главным образом, фольклорные. Сам автор об этом пишет так: “Эту книгу я составил в алфавитном порядке, украшая ее пословицами, саджами, поговорками, стихами, раджазами и отрывками из прозы”. Действительно, “украшательства” в книге достаточно много, и они самого разнообразного характера и содержания.

Судя по литературным источникам, использованным Махмудом Кашгари, он прекрасно знал тюркский фольклор и раннюю тюркскую средневековую литературу. Если на первых этапах изучения литературного памятника некоторые литературоведы считали, что Махмуд Кашгари использовал в своем труде только произведения устного народного поэтического творчества, то при внимательном изучении “Дивана” становится очевидным, что это не совсем так. Многие из приведенных в книге отрывков принадлежат конкретным поэтам-профессионалам, правда, автор не упоминает их имен. Объяснить это можно тем, что большой практики составления подобных словарей в то время не было. Ученый, видимо, посчитал, что главной в его книге является лингвистическая часть и не учел некоторых нюансов в “литературной” части своего “Дивана”.

“Кутадгу билиг” Юсуфа Хас Хаджиба Баласагуни

Среди выдающихся мыслителей прошлого особое место принадлежит автору гениальной этико-дидактической поэмы “Кутадгу билиг” (“Благодатное знание”) Юсуфу Хас Хаджиб Баласагуни, который вне всякого сомнения был выдающимся поэтом, высокообразованным человеком, знатоком человеческой души, философом, ученым-энциклопедистом, стихотворцем, владевшим всеми тонкостями поэзии и тюркского фольклора. О жизни автора поэмы известно немного. Все немногочисленные сведения о нем мы находим в содержании самой поэмы. Поэма “Кутадгу билиг” была написана в 1069-1070 гг. в Кашкаре, которую Юсуф Баласагуни сочинил, по его собственным словам, за восемнадцать месяцев. К этому времени ему исполнилось пятьдесят четыре года. Таким образом, Юсуф Баласагуни родился в 1015-1016 гг в г.Баласагуне (недалеко от г.Токмак Кыргызстана).

Завершив книгу, автор преподнес ее в дар “Царю Востока и Китая” Тавгач-Бограхану, который в знак благодарности пожаловал поэту звание “Хас Хаджиб”- министра царского двора. Это была одна из самых почетных и влиятельных должностей, о которой автор “Кутадгу билиг” пишет следующее:

*Все знать и радеть обо всем до конца
Великий хаджиб должен в поте лица.
И если подумать, суть дел разумея,
Служенье ходжиба - всех служб тяжелее.
Зовешься хаджибом - всем этим владей -
И сможешь вести за собою людей.
Об этом сужденье поэта глубоко,
Несведущим слово его - будто око:
“Хаджиб должен десять достоинств иметь:
И оком, и слухом, и сердцем владеть,
Быть умным и статным, красивым и ладным,*

Разумным и мудрым, и - делу радеть!” Язык, на котором создана поэма, принято считать древнеуйгурским или караханидско-уйгурским.

Поэма Юсуфа Хас Хаджиб дошла до нас в трех рукописях:

1. **Венская**, по месту нахождения, или **гератская**, по месту переписки, рукопись. Обнаружена и приобретена у букиниста австрийским ученым Иосифом фон Хаммер-Пургшалем в Стамбуле в 1796 году и передана в Венскую Королевскую библиотеку. Рукопись написана уйгурскими буквами и в ней отсутствует целый ряд бейтов.

2. **Каирская** рукопись. Написанная арабским письмом, рукопись была обнаружена в 1896 г. в Каире в Хидивской библиотеке ее директором немецким ученым Б.Морицем. Экземпляр также дефектный, так как много бейтов в нем отсутствует.

3. **Наманганская** рукопись - самая полная из известных рукописей. Написанная арабским письмом, она была обнаружена узбекским ученым А.-

З.Валидовым в 1913 г. в Намангане. В настоящее время рукопись хранится в Институте востоковедения Академии наук Республики Узбекистан.

Существует также еще несколько переводов и изданий поэмы “Кутадгу билиг”, в частности на турецком, уйгурском, немецком, азербайджанском и некоторых других языках. На современный узбекский язык поэма переведена К.Каримовым в 1971 году.

Поэма “Кутадгу билиг” содержит 6520 бейтов, разделенных на 85 глав; кроме того, поэма имеет три приложения, содержащих 124 бейта, разбитых на три главы. Основная часть поэмы написана в форме двустийши *месневи*, *арузом*, размером “сокращенный *мутакариб*”; первое приложение написано полным мутакарибом.

При всей своей этико-моралистической направленности поэма Юсуфа Хас Хаджиба Баласагуни “Кутадгу билиг” является философским произведением, в котором анализируется смысл и значение человеческой жизни, определяются обязанности и нормы поведения человека в обществе. Исключительно важным моментом поэмы является то, что в ней содержатся достаточно критические высказывания, которые призваны изменить к лучшему само общество.

Основная идея поэмы “Кутадгу билиг” держится на четырех постулатах, выраженных автором посредством героев:

1. Твердый правильный закон, олицетворением которого является Кюнтогды (в переводе оно звучит как “взошло солнце”).

2. Счастье. Его олицетворением является образ справедливого визиря Айтолды (в переводе “полная луна”).

3. Разум. Его олицетворяет сын визиря Огдюльмиш (в переводе “благоразумный”).

4. Будущее, загробная жизнь. Это понятие олицетворяет брат визиря Одгурмиш (в переводе “пробуждающий”).

Сюжет поэмы построен на основании бесед героев друг с другом и их писем, в которых затрагиваются различные темы: о неотвратимости смерти и необходимости мыслей о грядущей вечной жизни и морали. Предшествует этому вводная глава, где автор в соответствии с традицией восхваляет Всевышнего, пророка мусульман и его четырех праведных халифов, унаследовавших власть после смерти пророка. Затем переходит к воспеванию весны и “поет гимн” правителю Тавгач-Богра-Карахану. Потом Юсуф Хас Хаджиб говорит о семи планетах и двенадцати знаках зодиака, повествует о достоинствах людей, пользе языка. Лишь с 398 бейта начинает автор повествование о главном действующем лице поэмы правителе (элике) Кюнтогды.

Основное содержание “Кутадгу билиг” заключается в следующем: восхищенный мудростью элика некто Айтолды решил пойти к нему на службу. Проявив незаурядные способности и знания, он получает от элика пост визиря. Между эликом и визирем происходят многочисленные беседы на самые разнообразные темы. Последовательно они обсуждают такие

понятия как Счастье, Справедливость, говорят о достоинствах языка и пользе речи.

На старости лет Айтолды принимает решение уйти на отдых и представляет элику своего сына Огдюльмиша. Сын заменяет на должности визиря отца, и затем автор поэмы повествует нам о беседах элика с ним. Темы, затрагиваемые ими, также самые разнообразные. Это и о сущности ума, достоинствах бека, какими должны быть различные служащие при дворе, каково должно быть отношение к слугам.

По совету Огдюльмиша элик приглашает во дворец Одгурмиша. В заключительных главах поэмы повествуется о беседах и переписке элика и Огдюльмиша с Одгурмишем. Круг вопросов, обсуждаемых ими, достаточно разнообразный.

Общественно-политические взгляды Юсуфа Баласагуни, судя по содержанию поэмы, сформировались под влиянием ислама и предписаний шариата, регулирующего юридические и морально-этические отношения мусульман. Автор поэмы показывает каким должны быть не только правители, но и простые люди; какими личностными качествами они должны обладать.

Таким образом, автор поэмы выдвинул в своем произведении целый ряд справедливых требований к руководству общества: быть образованными, заботиться о людях, хорошо знать литературу и искусство и т.д.

Поэма “Кутадгу билиг” является во многом совершенной. Это и достаточно высокий уровень общественных отношений в обществе, и огромное значение культуры отношений между людьми, и культуры вообще, и, особенно, наличие нравственных понятий и основ воспитания подрастающего поколения. И можно предположить, что в то время такое объемное и высокохудожественное произведение было далеко не единственным. Судя по всему, была хорошо развита поэтическая традиция, и Юсуф Хас Хаджиб Баласагуни был одним из лучших ее представителей.

Философско-религиозная литература

Для региона Центральной Азии издавна было характерно наличие различных школ, течений и направлений, которые проявились как в материальной, так и в духовной культуре народа. Не стала исключением в этом отношении и литература. Если произведения Юсуфа Хас Хаджиба Баласагуни и Ахмада Югнаки исследователи относят к дидактико-философской литературе, то иное направление в средневековой литературе, также получившее широкое распространение, можно охарактеризовать как **религиозно-философскую**, или **мистико-религиозную**. Такое название направления носит условный характер, его не следует понимать в буквальном смысле. Мы остановимся на наиболее ярких и интересных представителях, рассматривать их будем в хронологической последовательности.

Абу Наср Мухаммад ибн Мухаммад ибн Тархан ибн Узлаг аль-Фараби родился в 870 г. в небольшом городке Фарабе, находившемся на самом юге

современного Казахстана. Город стоял в том месте, где протекала река Арысь, которая впадает в Сырдарью. Находясь в центре Великого шелкового пути, она получила мощное развитие, как в материальном, так и в духовно-культурной жизни того времени.

Абу Наср Мухаммад аль-Фараби - был философом, энциклопедически образованным человеком. До нас дошли более чем тридцать трактатов, написанные аль-Фараби на арабском, шесть - на еврейском и два - на латинском языках. Наиболее известным его трактатом является “Большая книга музыки”. Перу великого ученого принадлежит около семидесяти сочинений. Кроме всего прочего аль-Фараби писал философские стихи.

В средние века ислам получил широкое распространение. Этот период характеризуется не только тем, что мусульмане стали глубоко изучать религию, шире толковать многие суры Корана и беспрекословно следовать законам шариата, но и тем, что видными образованными и авторитетными теологами стали создаваться религиозные книги, главным образом, сборники хадисов (предания о поступках и изречениях пророка). В XIX в. мир ислама подверг критическому анализу все созданные сборники хадисов и выделил лишь те, которые являются наиболее верными и правильными. В итоге отбора и систематизации был создан сборник, состоящий из шести книг. Их составителями были известнейшие в исламском мире ученые-теологи, большинство из которых были выходцами из Центральноазиатского региона. Одним из наиболее талантливых и уважаемых среди них был имам **аль-Бухари** (810-870).

Получив образование в Дамаске, Каире, Басре, Багдаде, аль-Бухари стал прекрасным знатоком хадисов, вел дискуссии по их достоверности. В течение пяти лет в г.Нишапуре он был преподавателем медресе по хадисам, а, вернувшись в Бухару, создает целую школу по хадисам. Главный труд его - сборник хадисов “Аль-Джами ас-Сахих” - содержит 7275 рассказов из жизни Мухаммеда. В исламском мире этот сборник считается вторым после Корана письменным источником мусульманства.

Аннотация: В лекции данной темы речь идет об узбекском фольклоре, о путях его развития, о сборе и изучении. Также подробно рассказывается, и научно объясняются особенности орхоно-енисейских памятников и “Книги гаданий”.

Вопросы и задания.

1. Расскажите историю собирания узбекского фольклора.
2. В чем заключается специфика узбекского фольклора?
3. Тематика узбекских песен.
4. Почему в узбекском фольклоре нет песен на историко-героические темы?
5. Что такое лапары. Их особенности?
6. Тематическое разнообразие узбекских пословиц.

7. Дастанные версии: в чем отличительная особенность?
8. Чем отличаются книжные дастаны от фольклорных?
9. Разновидности дастанов.
10. Подготовьте реферат на тему “Специфические особенности узбекского дастана”.
11. Дайте краткое сведение о “Диване” Махмуда Кашгари?
12. Сколько рукописей “Кутадгу билиг” сохранились и какие?
13. Перечислите представителей философско-религиозного направления, что это за направление.

Словарь.

Бахши – сказитель дастанов, кроме создания и воссоздания литературно-художественного текста, должен уметь хорошо играть на музыкальном инструменте, владеть хорошим голосом и мастерством пения.

Дастан – наиболее крупный жанр, как узбекского фольклора, так и литературы. Классический дастан состоит из рифмованных стихов: который перемежается с рифмованной прозой. В фольклоре дастан исполняется в сопровождении музыкальных инструментов.

Песня – небольшое лирическое произведение, предназначенное для пения. В фольклоре возникает одновременно с мелодией.

Обрядовые поэзия – календарные, свадебные песни, плачи-причитания, заговоры и другие произведения в фольклоре, исполнение которых предусматривалось при совершении бытовых обрядов.

Прибаутка – совокупное название разных видов стихотворного и прозаического фольклора, которых произведений юмористического характера, в частности это присловья, детские стишки-песенки.

Плачи, или причитания, причеты – обрядовые произведения в фольклоре, которые исполнялись на свадьбе, при оплакивании покойника и других случаях.

Поговорка – жанр фольклора, вошедшее в повседневную речь образное выражение. В отличие от пословицы в поговорке нет законченного суждения: она лишь часть его.

Загадка – жанр фольклора, в котором вещи и явления воспроизводятся иносказательно через сравнение их с отдаленно сходными; обычно предлагается как вопрос для отгадывания.

Заговор – древнейший жанр заклинательного фольклора, словесная формула, которую считали средством воздействия на окружающий мир. Тесно связан с магическими обрядами и представляют собой вид магии.

Фольклор – устное народное творчество.

Миф – предание, возникшее в глубокой древности, ранний вид устного народного творчества.

Литература.

1. И.А.Каримов. На пороге XXI века: угрозы безопасности, стабильности и прогресса. – М.: Дрофа, 1997. – С.131
2. Литература. Справочные материалы. – М., 1988.
3. Узбекская народная поэзия. – Л. Сов. писатель, 1990.
4. В.М.Жирмунский, Х.Зарифов. Узбекский народный героический эпос. – М., 1947.
5. Х.Кор-оглы. Узбекская литература. М., 1976.
6. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. - М.-Л.: Изд. Акад. наук, 1951. - С.11.
7. В.Стеблева. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. - М.: Наука, 1976.
8. Кононов А.Н. Махмуд Кашгарский и его “Дивану лугат ит. турк”. - Сов. тюркология, 1972, №1. - С.3-17.
9. Валитова А.А. Юсуф Баласагунский и его Кутадгу-билиг. - АКД. -М., 1951. - 20 с.
10. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. - М.-Л.: Изд. Акад. наук, 1951.
11. Махмуд Кошгарий. Девону лугатит турк. Уч томлик. Таржимон ва нашрга тайерловчи С.М.Муталлибов. I том. - Тошкент, 1960; II том. - Тошкент, 1961; III том. - Тошкент, 1963.
12. Юсуф Баласагунский “Благодатное знание. Издание подготовил С.Н.Иванов. - М.:Наука, 1983.
13. Ф.Хамраев. Древние письменные памятники//Преподавание языка и литературы, 2001. №2.